

doi 10.17072/1994-9960-2021-1-19-38
JEL Code B40, B52, C51, D02
УДК 330.34, ББК 65.01

© Сухарев О.С., 2021

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСФУНКЦИЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Олег Сергеевич Сухарев

ORCID ID: [0000-0002-3436-7703](https://orcid.org/0000-0002-3436-7703), Researcher ID: [C-3767-2018](https://orcid.org/C-3767-2018), e-mail: o_sukharev@list.ru

Институт экономики Российской академии наук (Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32)

В статье преодолевается сложившийся стереотип, согласно которому недооцениваются достижения отечественных ученых, обеспечивших возникновение и развитие современной теории институциональных и экономических дисфункций и создавших прикладные возможности теории дисфункций. Целью исследования является рассмотрение вклада современной российской институциональной экономической школы по формированию и развитию теории институциональных эффектов с акцентом на её наиболее инструментальный сегмент – теорию экономических и институциональных дисфункций. Методологическую основу исследования составляет экономическая теория институтов, положения современной теории институциональных эффектов, в частности дисфункций институтов, теории управления экономическими системами разных уровней сложности, а также сравнительный анализ, элементы математического моделирования и решения дифференциальных уравнений. Показаны инструментальные возможности теории дисфункций в процессе формирования управленческих рекомендаций, создан измерительный аппарат, позволяющий идентифицировать дисфункцию и применять ее для оценки качества институтов и экономических систем, определены возможности использования дисфункций в институциональном моделировании. С этой целью получено уравнение функции денежного обеспечения института, позволяющее исследовать связь монетизации института, качества выполнения им своих функций и его дисфункции. Конкретизированы отличия эффекта блокировки и дисфункции института, характеризующие их связь с такими категориями, как устойчивость, эффективность/неэффективность, качество институтов, и сформулировано представление о дисфункции как динамически изменяемом состоянии, в то время как эффект блокировки определяется в статике. В качестве основополагающих перспектив развития теории институциональных и экономических дисфункций выделено: 1) совершенствование аппарата измерения дисфункций; 2) оценка институциональной эффективности и функционального потенциала институтов, а также качества институтов и экономических систем; 3) моделирование дисфункций, в том числе на уровне связи с макроэкономическими параметрами. Развитие теории дисфункций и методического инструментария ее прикладного применения для анализа различных социально-экономических явлений составляет перспективу дальнейших исследований российской институциональной школы экономической науки.

Ключевые слова: дисфункция институтов, дисфункция экономических систем, теоретические положения теории дисфункций, институциональные ловушки, “lock in” эффект, российская институциональная школа, развитие теории институциональных эффектов.

Для цитирования:

Сухарев О.С. Теория институциональных и экономических дисфункций российской школы: ретроспектива и перспектива // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Том 16. № 1. С. 19–38. doi: 10.17072/1994-9960-2021-1-19-38

THEORY OF INSTITUTIONAL AND ECONOMIC DISFUNCTIONS IN THE RUSSIAN SCHOOL: RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE VIEWS

Oleg S. Sukharev

ORCID ID: [0000-0002-3436-7703](https://orcid.org/0000-0002-3436-7703), Researcher ID: [C-3767-2018](https://orcid.org/C-3767-2018), e-mail: o_sukharev@list.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia)

The article challenges the stereotype which underestimates the accomplishments of the national scientists which generate and develop the current institutional and economic dysfunction theory and provide the pragmatic opportunities for the dysfunction theory. The research aims to consider the contribution of the modern Russian institutional economic school into generating and developing the institutional effects theory with the focus on its tool segment - the theory of economic and institutional dysfunctions. Methodologically, the article is based on the economic theory of institutions, provisions of the modern theory of institutional effects, including the institution dysfunctions, management theories for the economic systems of different complexity levels, as well as the comparative analysis, elements of mathematical modeling, and solutions of the differential equations. Tool capabilities of the dysfunction theory are illustrated for the developing of management recommendations, a measurement device is created to identify a dysfunction and to apply it in order to access the quality of the institutions and economic systems, the possibilities for applying the dysfunctions in the institutional modeling are defined. To do this, a function equation for the financial support of the institution is obtained to examine the connections between the institution monetization, the quality of their functions and their dysfunctions. The differences between the lock-in and dysfunction effects which characterize their connections with the categories, including stability, efficiency/inefficiency, institutions' quality, are specified, and a dysfunction is defined as a dynamically changing condition, while lock-in can be static. The article points out the key prospective developments of the institutional and economic dysfunction theories: 1) better tools for measuring the dysfunctions; 2) evaluation of the institutional efficiency and functional potential of the institutions, as well as the quality of the institutions and economic systems; 3) dysfunction modeling, including at the level of its connection with the macroeconomic parameters. Further research into the Russian institutional school of the economic science is seen in the development of the dysfunction theory and its methodological tools for its application to analyze different socio-economic phenomena.

Keywords: dysfunction of institutions, dysfunction of economic systems, theoretical provisions of the dysfunction theory, institutional traps, lock-in effect, Russian institutional school, development of the theory of institutional effects.

For citation:

Sukharev O.S. Theory of institutional and economic dysfunctions in the Russian school: Retrospective and prospective views. *Perm University Herald. Economy*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 19–38. doi: 10.17072/1994-9960-2021-1-19-38

ВВЕДЕНИЕ

Институциональная экономическая теория является высоко диверсифицированной областью современного экономического анализа. К настоящему времени она стала весьма популярной областью исследований во многих странах, включая и Россию. Современная институциональная школа рассматривает проблемы влияния различных институтов и правительственных воздействий в виде изменения правил на виды экономической де-

ятельности. Теория дисфункций¹, а также рассмотрение ловушечных состояний стали

¹ Сегодня появилось множество трактовок без упоминания базовых исходных положений. Делаются попытки осуществить введение в теорию дисфункций без использования уже обоснованных и апробированных постулатов данной теории. Это говорит о нарушении базовых требований научного метода исследований, когда узкие местнические интересы превышают задачи развития науки. Это также противоречит принципам этики научных публикаций. В итоге срывает принцип «изобретения велосипеда», благодаря которому появляются «но-

важными исследовательскими направлениями в рамках теории институциональных эффектов современной институциональной школы, в особенности российской¹. Отметим сразу, что термин «дисфункция» широко использовался в медицине, затем был заимствован социологами при рассмотрении вопросов функционирования социальных институтов в широком ключе, а также бюрократического управления [2–4]. Однако к формированию теоретического направления, тем более применительно к экономике, это не привело. Причин этому было множество. В частности, видимо, никто не ставил такой задачи, а также применялся только описательный таксономический анализ функций в рамках структурно-функционального социологического подхода. Безусловно, сегодня можно точно говорить о том, что дисфункция институтов (институциональная дисфункция) и дисфункция различных экономических подсистем (экономическая дисфункция), а также проявления различных институциональных ловушек², дающих

вые институционализмы», аномалии, некие выводы теории из области негативных эффектов, или рассмотрение дисфункции государственного управления как бы с нуля, без учета того, что эти вопросы рассматривались в России за двадцать лет до указанных работ и методологический базис уже был создан ранее.

¹ Насколько мне известно, первые работы в этой области появились в 1998–2001 гг. В 2001 г. вышла книга О.С. Сухарева «Теория экономической дисфункции» [1], систематизирующая предшествующие работы автора, в которых она постулировалась в виде концепции экономической дисфункции. Это было вполне обоснованно, так как не просматривался аппарат измерения и оценки, который был создан автором, его учениками и последователями позже. Программа исследований в виде создания такого аппарата была обрисована автором в самом начале пути в 1998–1999 гг., когда отмечалась необходимость разработки методов измерения, количественной оценки дисфункции.

² Этой теме посвящена масса исследований, в которых понятия дисфункции и институциональной ловушки четко не разграничены: авторы сводят одно к другому, ловушкой считают то, что фактически ею вряд ли является, если понимать под ней непреодолимую ситуацию, когда работает устойчивая неэффективная норма. Конечно, ловушка и дисфункция – это не однопорядковые явления. Возникают расстройства функций, либо они теряются, и накопление таких исходов влияет на закрепление неэффективного функционирования. Однако напрямую идентифицировать дисфункцию с неэффективностью института нельзя. Имеет значение глубина

«lock in» эффект (блокировку)³, представляют собой два принципиально отличающихся подхода к исследованию влияния институтов на функционирование экономики.

Несмотря на то что в классических работах институциональной школы различным «институциональным эффектам»⁴ не уделялось большого внимания, рассматривались лишь отдельные из них [5–13], все более привлекательным в смысле анализа становится эффект дисфункции [1; 14; 15], блокировки («lock in») или ловушки [16–19]. Современная российская экономическая школа внесла ощутимый вклад в развитие теории институциональных эффектов по указанным двум направлениям [1; 14; 16].

Однако в отдельных работах [17; 18] институциональная ловушка сводится к дисфункции или наоборот, в связи с имеющейся их взаимосвязью⁵, говорится даже о возникновении дисфункций в форме ловушек. Подобные виды анализа, действительно, являются вариантом неверного прочтения и авторских метафор и толкований [18]. А ведь базовые работы четко поясняют, что «институциональная ловушка» [16] пред-

дисфункции и ее динамика, а также то, с помощью какого критерия оценивается эффективность/неэффективность правила, нормы или экономического объекта. Например, расстройство большинства функций управления либо потеря какой-то функции, в частности контроля, вряд ли обеспечит эффективность управления в целом. Однако какое-то отдельное правило может иметь расстройство функций – и оно может возрасти в малом диапазоне значений дисфункции, а критерий эффективности, в частности, измеряемый по числу функций на единицу затрат – транзакционных издержек, будет показывать вполне эффективное функционирование, даже если эффективность понижается вследствие роста дисфункции.

³ В зарубежной литературе известны первые работы (здесь не приводятся) по эффекту блокировки Б. Артура, П. Савиотти и др.

⁴ К таким эффектам обычно относят эффект гиперселекции, неблагоприятного отбора, обучения, координации, блокировки, зависимости в развитии по хребтовой траектории, дисфункции института и пр.

⁵ Накопленные дисфункции могут приводить к устойчивой неэффективности правил. Однако дисфункция сама по себе не говорит о том, что имеется институциональная неэффективность. В ряде работ автор показал, что вполне эффективные институты могут характеризоваться некоторой величиной дисфункции – расстройством своих функций, за которые они отвечают и которые программируют.

ставляет собой устойчивую неэффективную норму, т. е. определена в статике, к тому же требует уточнения двух категорий – устойчивости и отдельно критерия эффективности/неэффективности, так как с точностью до него она может быть идентифицирована. Таким образом, определение ловушки вне этих двух понятий просто невозможно и является риторическим упражнением описательного характера. В связи с этим многие явления стали описательно некорректно подводить под термин «институциональная ловушка», не понимая смысла «ловушечного состояния»; размножилось число таких весьма необоснованных исследований, в основном классификационного содержания. Измерительный аспект, свойственный базовым работам, не был востребован и не развивался. А путаница и сведение ловушки к дисфункции благодаря тому, что указывались лишь отдельные расстройства функций как одна из причин, приводящих к ловушке, ослабили анализ и того и другого эффекта. Еще более необоснованно выглядело объяснение дисфункций посредством образования институциональных ловушек, которые являются в принципе не частыми явлениями институциональной структуры, в отличие от дисфункций, которым в определенной степени подвержена большая часть институтов и экономических подсистем. Если в ловушке делается акцент на устойчивую неэффективность, которую трудно преодолеть, и требуются для этого значительные издержки, по сути сохраняющие следование именно неэффективной норме (хотя изначально понятие эффективности института точным методом или критерием не определялось [16]), то дисфункция представляет расстройство функций различного вида, снижение качества работы правила и не имеет линейной связи с эффективностью. Иными словами, более высокой дисфункции может отвечать и относительно большая эффективность, нежели меньшей дисфункции, при которой эффективность может оказаться значительно ниже. Наличие дисфункции какой-то глубины однозначно не гарантирует возникновения эффекта блокировки (ловушки).

Описание дисфункций также требует измерения степени расстройства функций,

что обусловило создание аппарата измерения и оценки дисфункций, помимо классификации их видов и выявления по некоторому набору критериев [1; 14; 15]. Но представление об экономической дисфункции вводилось сразу в динамическом ракурсе [14], причем отмечалась связь лишь с частью эффективности – адаптивной эффективностью, при этом вопрос проведения параллели с общей неэффективностью социально-экономической системы оставался открытым, хотя негативное содержание самой дисфункции ассоциировалось по крайней мере с невысокой эффективностью¹.

В связи с набирающим силу институциональным анализом, включающим в виде предмета изучения дисфункции и ловушки, целью настоящего исследования выступает не только обзор состояния названных новых направлений российской институциональной школы, но и демонстрация перспективы анализа дисфункций. Далее остановимся на

¹ Речь велась о функциональной эффективности или связи с адаптивной эффективностью, при наличии также аллокативной эффективности как важнейшей из ее составляющих (хотя макродисфункция воспринималась в ранних работах автора как некая общая неэффективность, но нигде не утверждалось, что это максимальная неэффективность системы). Позиция сводит институциональную ловушку, поскольку речь идет о неэффективной норме, к дисфункции представляется искусственной, вытекающей из манипуляции терминами, ровно так же, как и связывать дисфункцию исключительно с неэффективностью. В ряде последующих работ автор неоднократно подчеркивал, что дисфункции какой-то глубины подвержены также институты, показывающие определенную эффективность работы, микроэкономические дисфункции повсеместно присутствуют, однако это не порождает институциональные ловушки как непреодолимые устойчивые состояния [1, с. 27–28]. Экономика как наука имеет своим предметом оценку неблагоприятных ситуаций и поиск способов их преодоления. В связи с этим терминологическим нагромождением представляется ввод категории «аномалия», которая означает отклонение от нормы, закономерности. В связи с этим данный термин используется учеными в противовес категории «дисфункция», что не позволяет продвинуться в решении ни одной экономической или институциональной проблемы. В связи с этим, по мнению автора, ввод так называемых «институциональных аномалий» может вполне трактоваться как терминологическая манипуляция. Причем противопоставление теории дисфункций, которая ставит задачу идентификации, измерения, выяснения причин и устранения расстройства функций различных институтов и экономики в целом, выглядит весьма слабо обоснованной.

теории дисфункций как направлении в институциональной теории и отдельно рассмотрим перспективы развития теории дисфункций.

ТЕОРИЯ ДИСФУНКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Под институциональными эффектами понимаются особые состояния, вызванные взаимодействием институтов или иных факторов, которые являются специфической характеристикой функционирования институтов или создают такую. В институциональной теории обнаружен целый набор подобных эффектов [1; 16]. Однако наиболее важный эффект из всего набора – это потеря, либо неисполнение, или же снижение качества исполнения необходимых функций, которые обеспечиваются конкретным правилом, что и понимается как дисфункция [14].

Поскольку институциональная теория, несмотря на значительное число направленных исследований, тем не менее, имеет большую трудность в виде обоснования передаточного механизма экономической политики [6; 7; 20], потребность в теоретической конструкции и наборе методов, из нее вытекающих, позволяющих количественно измерять институты и их взаимодействие, оценивать состояние и динамику, очень высока. Разработка указанных подходов позволит решить целый набор не только сугубо методологических проблем институциональной теории, но и расширить возможность ее практического применения. В связи с этим теория дисфункций, измеряющая степень расстройств институтов и их качественные параметры, представляется весьма ощутимым шагом в указанном направлении.

Во-первых, она позволяет типизировать функции и выделить параметры, характеризующие функционирование института или объекта экономики.

Во-вторых, определение дисфункции по точному критерию и минимальному набору параметров приводит к таксономии дисфункций (микро, макро, эндогенная, экзогенная дисфункции, а также виды дисфункции по заданным параметрам, в том числе по клас-

сификации функций рассматриваемого объекта либо по выделяемым институтам), что повышает строгость описательного анализа дисфункциональных состояний экономики.

В-третьих, ввод параметров института, по которым идентифицируется расстройство функций, приводит к тому, что можно определить число исполняемых и неисполняемых функций, полноту и качество их исполнения. Это также дает возможность количественно оценить дисфункцию. Следовательно, возникает способ сравнения институтов по уровню дисфункции, причем даже разных институтов, если они характеризуются одним и тем же набором параметров [14].

Приведенные теоретические позиции позволили не только обеспечить применение теории дисфункций к институтам, и объектам экономики, и управлению в различных сферах экономики, но и расширить представление в рамках уже созданных классификаций, например контрактной теории О. Уильямсона [21], существенно разнообразя виды контрактов и условий их исполнения или неисполнения – дисфункции. Посредством представлений о дисфункции вводится понятие правовой эффективности/неэффективности, позволяющее исследовать «экономике преступности» через оценку состояния соответствующих правил и отвечающих им моделей агентского поведения.

Предложенные классификационные подходы в области теории дисфункции получили дальнейшее развитие. В частности, А.В. Фомин вполне обоснованно выделяет, отталкиваясь явно от теоретического подхода автора этой статьи [1; 14], три вида дисфункций государства – общие, специфические (свойственные регуляции) и частные (в конкретной области) [22, с. 7, 12, 13]. Конечно, близкий по смыслу характер, например, общих дисфункций государства с макродисфункцией [14] или системной дисфункцией, а специфических дисфункций с дисфункцией государственного управления не снижает достоинств этого подхода, потому что видам дисфункций соответствуют предлагаемые механизмы их элиминирования [22, с. 19–20] с выделением так называемого «институционального управления», нацеленного на поддержание эффективности работающих пра-

вил и норм, исполнения необходимых функций.

Е.Н. Чечеткина [23, с. 7–8] выделяет институциональные дисфункции «системы институтов экономической политики государства» по видам деятельности и политики – финансово-экономические, социально-политические, предлагая варианты адаптации реформирования институтов, которые также подлежат классификации [23, с. 12]. Необходимость снижения выявленных дисфункций приводит Е.Н. Чечеткин к предложениям по совершенствованию законодательства. Считаем, что именно направление правовой эффективности становится прикладным выходом для теории дисфункций¹. Фактически в данном исследовании выделены прикладные области, где применима теория дисфункций, особенно в части их преодоления и проведения количественного и качественного анализа развития институтов [1; 14; 23, с. 16–17]. Так, выделяются индикаторы институциональных дисфункций, чтобы определить присутствие либо отсутствие дисфункций, ориентируясь на пороговые² количественные значения этих индикаторов [23, с. 17]. О.И. Водяненко развивает подход приложения институциональных дисфункций в социальной области [25], решая вопросы преодоления этих дисфункций в социальном развитии. Проблема дисфункций в социальной экономике обозначается как отклонение от неких проектируемых норм социального развития и социального стандарта потребления, что выражается в таких параметрах, как интенсивность конкуренции, низкий уровень доходов, порочный круг бедности. Хотя именно они называются не вполне корректно дисфункциями, тем не менее, данные показатели могут сигнализировать об увеличении дисфункций в социальной сфере и политике. Во всяком случае в положительном ключе данные исследования говорят не только о

присутствии таксономического подхода в области теории дисфункций, но и о попытках развития измерительного аппарата самих дисфункций как динамически изменяемого состояния. Это принципиально важно, так как отличает данный подход от «ловушечного», где проблемы ее измерения более остры, а классификационные процедуры не менее, если не более, запутанны. Такие исследовательские результаты становятся связующим звеном между сугубо теоретическими разработками и моделями и необходимой практикой применения положений теории дисфункций.

Особое значение для разграничения теории дисфункций и подхода с позиции эффекта блокировки как институционального эффекта ловушки сыграли работы Ю.К. Перского и Т.Ю. Ковалевой [26; 27]³, а также Е.В. Базуевой [29], обращенные к проблемам интеллектуального предпринимательства⁴ и оценке качества институтов регионального

³ Они справедливо отмечали, что представление о дисфункции институтов и экономики преодолевает статичное представление ловушки, поскольку предлагает иной взгляд на природу неэффективности институтов, когда, помимо классической эффективности/неэффективности, которая может быть свойственна отдельным институтам или их совокупностям, может быть выделена различная связь с дисфункцией – расстройством функций. Отмечалось также, что осуществлен анализ дисфункции акционерного капитала, человеческого капитала, законодательного процесса, экономической политики в ранних работах О.С. Сухарева. Тем самым Ю.К. Перскому и Т.Ю. Ковалевой удалось точно выявить разграничительные линии и понять суть отличий в рамках теории институциональных эффектов – теории дисфункции и эффекта блокировки, обозначенного ловушкой. Подробнее по этому поводу см. [28, с. 178–191].

⁴ Использовались индексно-агрегатные методы оценки влияния институтов, точнее институциональной среды, на интеллектуальное предпринимательство. Однако область дисфункции выделялась дискретно, что весьма неоднозначно. К тому же экзогенная и эндогенная дисфункция вряд ли может быть точно оценена по агрегированному индексу среды. Это может дать лишь некие ориентировочные оценки, не снимая проблемы обоснования инструментов экономической политики в области предмета рассмотрения. Агрегатный подход маскирует то, какой институт необходимо заменить, а для какого требуется улучшить функции либо осуществить финансирование, тем более что в условиях тесной связи институтов проблема резко усложняется. Таким образом, решить ее можно, конкретизируя область рассмотрения и характеристики институтов и составленных из них систем.

¹ Подробнее см. [24].

² Заметим, что они устанавливаются нормативно, что является неким недостатком. Однако в рамках институциональной теории и экономической науки в целом невозможно обойтись без применения нормативного подхода, особенно когда принимаются решения относительно осуществления институциональных коррекций или иных мер экономической политики.

развития. Конечно, оценка качества института только по издержкам выступает крайне ограниченным методом, который не дает представления о качестве как наборе релевантных характеристик института – так же, как и сведение качества института к классической эффективности. Подходы оценки качества, ориентированные на величину отдачи, например социальную, также уязвимы с точки зрения стандартных представлений о качестве. Вопрос здесь упирается в то, как трактовать качество института. Агенты должны следовать правилу, но они могут ему не следовать, несмотря на то что характеристики правила и функции, с ним связанные, весьма полезны, по другим причинам. Расстройство функций института, разумеется, не может не сказаться на качестве института, причем действует отнюдь не в сторону его повышения.

Т.Ю. Ковалева и Е.В. Базуева, ссылаясь на работы зарубежных авторов, посвященные определению параметров качества институтов, дают некорректную оценку, что теория дисфункций исходит из таких же параметров, хотя они не только противоположны и совсем иные, но и являются более конкретными для оценки качества института, чем приводимые в [29, с. 23]. Они соглашаются с тем, что эти параметры характеризуют качество. Однако далее делается необоснованное заключение о том, что перечисленные параметры, по которым идентифицируется дисфункция (цель, область приложения, функциональный потенциал, издержки, время действия, устойчивость института – внешняя и внутренняя [1; 14]), не учитывают признаков, присущих системе, составленной из многих институтов. Однако для данного набора параметров, по нашему мнению, не имеет значения, какой набор институтов, связанных или нет, рассматривается исследователем. К тому же связность институтов может быть отражением «модельного мышления» самого исследователя, что порождает многие погрешности дальнейшего анализа и полученных выводов. При определении параметров качества, вне всяких сомнений, как трактует теория качества, следует учитывать характеристики объекта, качество которого оценивается; и для системы институтов могут быть рас-

смотрены указанные параметры, определяющие дисфункцию, и сама дисфункция как характеристика качества¹. Высокое качество может не предполагать низкие издержки, что характерно как для качества отдельных видов продукции, так и может быть присутствовать отдельным институтам [14].

Теория дисфункции, о которой здесь ведется речь, нашла существенное применение и тем самым развитие в ряде исследований по управлению и широкому спектру экономической проблематики². Например, при объяснении провалов транзакционного сектора [31] в условиях вирусной атаки 2020 г., осуществлении оценки влияния институтов на инновации [32], анализе дисфункций слияний и поглощений [33]³, а

¹ В работе [30], а также в более ранних работах автора, предлагался метод из области экономики качества, известный как «норма потребительной стоимости» (в рамках научной школы Н.С. Перекаллиной разработано множество методик оценки этого параметра для характеристики качества в различных секторах экономики, например, в машиностроении, в частности, работы к.э.н. Н.А. Виткевич, к.т.н. Б.Н. Клепинин, проф. О.А. Горленко), и рассматривалась возможность применить его к оценке качества институтов, например в сравнительном анализе при рассмотрении импорта института, а также при анализе процесса реструктуризации промышленности и выбора направлений промышленной политики. Учитывая во многом нормативный характер институциональной теории, где различные оценки в большинстве случаев даются с точностью до ввода, до определения, а не выводятся из эмпирических связей (хотя имеются исключения), данный подход видится весьма полезным. Однако экономисты, изобретая новые сложные процедуры, подпадая под «эффект превышения сложности», когда их предложения превышают сложность реальности, которую они изучают, часто пренебрегают уже имеющимися весьма полезными разработками. Автором данной статьи также предлагалось применение метода измерения дисфункции аналогично методу оценки отказа в теории надежности технических систем.

² Автор встречал многие исследования о влиянии институциональных дисфункций на развитие высокотехнологичного сектора экономики, нанотехнологий, банковской системы, в том числе с отсылками на его работы. Однако массив работ стал настолько значительным, что перечислить их все в рамках одной статьи не представляется возможным. Прежде всего это говорит о том, что в рамках российской институциональной школы двадцать лет назад был разработан подход, который востребован в анализе прикладных вопросов управления.

³ В этой сугубо прикладной работе, нужно отметить, ситуация сводится к микродисфункции, вызывающей институциональную ловушку, которую автор обозначает

также к разработке и управлению государственными программами развития промышленности [34], на уровне управления фирмой [35], в том числе с применением экспертных процедур оценки глубины дисфункции, и на уровне фирмы и региона [36].

В данном разделе показан некоторый срез исследований, проведенных представителями российской институциональной школы по институциональным и экономическим дисфункциям, начиная с первых концептуальных работ, раскрывающих ее основные положения [1; 14–16]¹.

Далее остановимся на перспективном развитии теории дисфункций, которое можно связать с использованием не только измерительного аппарата, позволяющего оценить состояние и динамику дисфункций, но и модельного аппарата, помогающего понять связь увеличения дисфункции и экономического роста или институциональной эффективности [37–40], который может найти применение в области управления, включая государственное управление по ба-

зовым функциям (планирование, организация, мотивация, контроль и координация) [38], а также для изучения связи дисфункции макро- и микроуровней [39] и функционального переосмысления трактовки теоремы Р. Коуза [40]. Перечисленные направления уже характеризуются заметным продвижением теории дисфункций, дальнейшие перспективы развития которой будут показаны в следующем разделе.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДИСФУНКЦИЙ

Исходя из обозначенных выше позиций видно, что теория институциональных и экономических дисфункций развивается, находя различные приложения в описании состояний расстройств отдельных институтов или их совокупности, экономических объектов и подсистем. Оценки функционального потенциала управления, отдельных проблем экономических систем разных уровней сложности и экономики в целом также создают поле применения для теории дисфункций. Оценка качества институтов и объектов экономики может осуществляться с использованием представлений о видах дисфункций и по измерению изменяющейся степени ее глубины изучаться с двух позиций – состояния как институциональной среды, так и рассматриваемых объектов. Расстройство функций в виде недостатка, а иногда и избытка, провоцирующее также рост дисфункции, в той или иной мере влияет на эффективность функционирования изучаемого экономического объекта. В связи с этим связь дисфункции и эффективности института, экономики или управления составляет важное направление исследований, так как задача сводится в таком случае не только к повышению эффективности, но и элиминированию дисфункций как отдельному виду задач. Причем управленческое решение будет определяться содержанием указанной связи дисфункции и эффективности. Конечно, важна проблематика связи дисфункции и экономического роста и рассмотрение известных игровых задач в рамках институционализма с позиций оценки дисфункции (описание Р. Коузом задачи о ско-

“lock in” эффектом, рассматривая взаимодействия формальных и неформальных институтов при слияниях и поглощениях, применяя одна схему, не акцентируя внимание на том, что институты могут быть разными [33, с. 32]. Проблема еще в том, что ловушка возникает, когда следовать неэффективной норме легче, чем ей не следовать. А вот на преодоление такой нормы нужны большие трансакционные издержки, да и трансформационные, если под ними иметь в виду издержки на замену неэффективного института. Преимущество теории дисфункции в том, что необходимо доказать образование ловушки, аргументировать, ловушка ли это, а вот расстройство функций по конкретным позициям можно идентифицировать куда легче. Это еще одно явное преимущество теории дисфункции и проводимого на ее базе анализа, особенно применительно к задачам управления и проектирования (планирования развития) экономических объектов, институтов.

¹ Нужно отметить, что академик В.М. Полтерович [16] не ставил целью разработку теории дисфункций, не рассматривал проблему дисфункций системно с точки зрения разработки необходимого аппарата для их анализа и измерения. Он использовал термин «дисфункция» как один из факторов формирования ловушки, влияния на ловушку и даже первоначально считал, что ловушка в каком-то смысле задает дисфункцию, что, видимо, не так, хотя наличие уже имеющихся ловушек – эффектов блокировки – может способствовать углублению дисфункции по иным связанным институтам. Однако этот механизм требует дальнейшего изучения, поскольку в имеющихся работах он не выявлен и не решен.

товоме и фермере, дилемма заключенного, пример формализации некооперативной игры Холмса – Мориарти и др.)¹.

В институциональной теории весьма часто оценку эффективности институтов осуществляют по величине транзакционных издержек [5; 12; 13; 41], что может быть не вполне приемлемо, так как издержки сами по себе ничего не говорят об эффективности работы как институтов, так и экономики в целом. Эффективность предполагает экономию издержек: в таком случае именно по величине экономии можно делать некую оценку об уровне эффективности, а классическим подходом к оценке эффективности является соотношение превышения результата над затратами в величине затрат. Если распространить это классическое представление на институты, то потребуются, помимо оценки издержек функционирования института, осуществлять оценку приобретенных выгод – результата работы института. Этот результат может обеспечиваться и правилами, подверженными определенному уровню расстройства функций, подобно тому, как несет полезную нагрузку конструкция в технике в зоне пластической деформации, по сути теряя свой исходный конструктивный вид и ряд полезных функций, которые не присущи зоне пластической деформации.

В связи с этим экстремум по дисфункции и по эффективности, определяемой не по величине транзакционных издержек, когда может присутствовать только сравнительный аспект и оценка динамики величины издержек (даже если речь ведется об экономии, хотя именно экономию по институтам весьма непросто и не во всех случаях можно определить, для принятия текущего управленческого решения), а по классическому критерию, не должны совпадать. Это подробно показано в работе [40]. Следовательно, возникают две задачи: 1) обеспечения эффективности работы института или экономического объекта, управления; 2) снижения уровня расстройства функций, обеспечение эффективности исполнения каждой функции. Отметим, что эти задачи все-таки свя-

заны, так как динамика расстройств сказывается на эффективности функционирования экономического объекта (точки экстремума могут не совпадать).

Еще одним очень важным моментом в исследовании функционирования институтов и экономических систем различного уровня сложности – и не только с точки зрения теории дисфункции – выступает проблема денежного обеспечения функционирования и зависимости исполняемых и неисполняемых функций от денежного их обеспечения в единицу времени. Кстати, нужно отметить, что такой ракурс проблемы был заявлен в исходных работах по теории дисфункции 1999–2001 гг., но далее не получил должного развития в работах тех последователей, кто рассматривал и развивал изложенные здесь положения теории дисфункции применительно к своим исследовательским задачам.

Поэтому кратко рассмотрим эту очень важную проблему, сводимую к необходимости определить связь между денежным обеспечением функций и их исполнением. Тем самым, напрямую дисфункция может быть спровоцирована не только конкуренцией институтов, переносом их в иную социально-экономическую среду (трансплантацией), конфликтом функций, их избыточностью, перманентным характером институциональных коррекций, порождающих трудности адаптации к изменяемым правилам, но и недостаточностью денежного обеспечения исполнения функций. Дисфункция выражается в том, что нарушаются цели работы, снижается функциональное поле и область приложения правила, растут издержки и время трансформации, снижается устойчивость, но причины, ее вызывающие, могут быть для разных институтов различными. Таким образом, рост издержек исполнения функций выражается в конечном счете в неисполнении, т. е. росте дисфункции, однако обеднение исполняемых функций денежным ресурсом также способствует росту дисфункции. Если обозначить текущие издержки функционирования института в виде $Tr(t)$ – транзакционные издержки, денежные поступления в единицу времени, как $D(t)$, тогда изменение денежного обес-

¹ Автор посвятил этим проблемам отдельные публикации.

печения института (либо его функции) можно представить как $dR/dt = D(t) - Tr(t)$. Введем полную рентабельность $r = R/Z$, где Z – полные затраты, включающие текущие транзакционные издержки плюс издержки на изменение (коррекцию), трансформацию института. Допустим, что изменение текущих (транзакционных) издержек пропорционально (с коэффициентом b) разнице между полными и транзакционными издержками, т. е. $dTr = b(Z - Tr) = b(R/r - Tr)$, и исходим из того, что $Z > Tr$. Взяв производную dR/dt , и подставив выражение dTr/dt , и выразив из него Tr , получим в итоге дифференциальное уравнение второго порядка относительно денежного обеспечения института или экономического объекта в виде

$$\frac{d^2R}{dt^2} + b \frac{dR}{dt} + \frac{b}{r} R = \frac{dD}{dt} + bD.$$

Задавшись или располагая функцией денежного обеспечения $D(t)$, можно получить решения дифференциального уравнения (1) в зависимости от коэффициента пропорциональности b и рентабельности r . Тем самым в зависимости от релевантных параметров и функции денежных поступлений получим функцию чистого денежного обеспечения функционирования института или экономики. Изменение этой функции по причине роста издержек $Tr(t)$, а они могут увеличиваться (или снижаться) по разным причинам, в том числе по причине изменения денежных поступлений $D(t)$, при сохранении числа необходимых к исполнению функций. Это будет означать, что денежный ресурс на исполнение функций изменился – снизился либо увеличился (при благоприятном исходе). Последний вариант может привести к разрастанию функций, что также совсем не обязательно приведет к снижению дисфункции, а напротив, может ее увеличить. Однако первый вариант будет означать, что функции исполнялись при лучшем денежном обеспечении в единицу времени, а теперь необходимо их исполнять при относительно более низком денежном обеспечении. Агенты могут отреагировать, снизив свои усилия по исполнению функции, следовательно, возрастет число неисполняемых функций – дисфункция может возрасти. Следовательно, для снижения дисфункции

увеличение денежного обеспечения работы института должно происходить без несоразмерного увеличения количества функций, а также без существенного сокращения денежного обеспечения, особенно без его привязки к сокращению количества исполняемых функций.

Пересмотр функций, оптимизация их состава является одним из возможных способов понижения дисфункции, действующих в направлении обеспечения как минимум функциональной эффективности института. Если представить эффективность института (E) как число исполняемых функций (F), приходящихся на единицу чистого денежного обеспечения (R) работы института (ведь исполняемые функции – это и есть результат имеющегося денежного обеспечения работы правила), то $E = F/R$, $dE/dt > 0$ – условие роста эффективности. Если изменение числа исполняемых функций пропорционально разнице между общим числом функций (F_0) и числом исполняемых функций, то есть, $dF/dt = a(F_0 - F)$, не сложно показать, что рост эффективности при измерении дисфункции $Df = 1 - F/F_0$ требует превышения темпа роста чистого денежного обеспечения института величины $aDf/(1 - Df)$. Таким образом, зная число неисполняемых функций (дисфункцию) в общей величине функций, можно получить условие темпа роста денежного обеспечения, чтобы институциональная эффективность, измеряемая именно по этому критерию, росла.

Учитывая нормативную традицию институционализма [1; 6; 7], исследователи произвольно определяют институциональную эффективность, как показывают приводимые здесь работы, часто даже не исходя из задачи исследования. Это обстоятельство накладывает определенный отпечаток на установление взаимосвязей между эффективностью и дисфункцией, точнее представлением об эффективности и расстройством функций, которое изначально было определено более точно, нежели сама эффективность.

Представим некоторые графические изображения функции денежного обеспечения института $R(t)$, которые возможны при решении уравнения (1), на рис. 1 и 2 соответственно, когда $D(t) = const$ (рис. 1) и

когда $D(t)$ изменяется по некоторому закону при разных значениях b и r (рис. 2)¹.

По рис. 1 видно, что от начальных условий при заданном коэффициенте пропорциональности затрат и общей рентабельности (отдачи с единицы общих затрат) зависит поведение функции денежного обеспечения для статичных денежных поступлений $D(t) = const$ (рис. 1, слева). Если при указанных условиях исходное денежное обеспечение института в начальной точке выше, то пики функции $R(t)$, как и спады для одного и того же периода времени, будут больше. Тем самым выше колебания этой функции. Если начальные условия не изменяются, но, например, изменяется общая рентабельность (рис. 1, справа), то изменяется характер динамики денежного обеспечения, а именно на всем интервале времени он становится больше. Иные начальные условия (рис. 1, слева) не обеспечивали такого превосходства динамики, так как в области пиков денежное обеспечение было выше по сравнению с худшими начальными условиями, но в области спада оно становилось меньше. Кстати, величины рентабельности и коэффициента пропорциональности влияют на поведение функции денежного обеспечения. Так, на рис. 1 слева эта функция снижается сразу,

но при большем значении рентабельности она возрастает в более короткий период времени и далее вновь снижается на следующих этапах.

Как показывает рис. 1, при фиксированной величине денежных поступлений наблюдается в целом затухающая динамика согласно уравнению (1), какими бы ни были начальные условия и соотношения рентабельностей и коэффициента пропорциональности затрат. Однако в действительности денежные поступления изменяются и, более того, меняется даже закон, описывающий такие изменения. Последний случай рассматриваться не будет как наиболее сложный и составляющий перспективу дальнейших исследований больше даже в области математического моделирования. Покажем вариант, когда изменяется $D(t)$ и возрастает коэффициент b и параметр r . Данную ситуацию отражает рис. 2. Рост параметров модели, особенно общей рентабельности, сдвигает кривую $R(t)$ вправо вверх, увеличивая значение функции для каждой точки по оси времени. Сначала функция возрастает, достигает наибольшего значения, затем на некотором отрезке плавно снижается и в дальнейшем понижается до стабилизации возле некоторого значения.

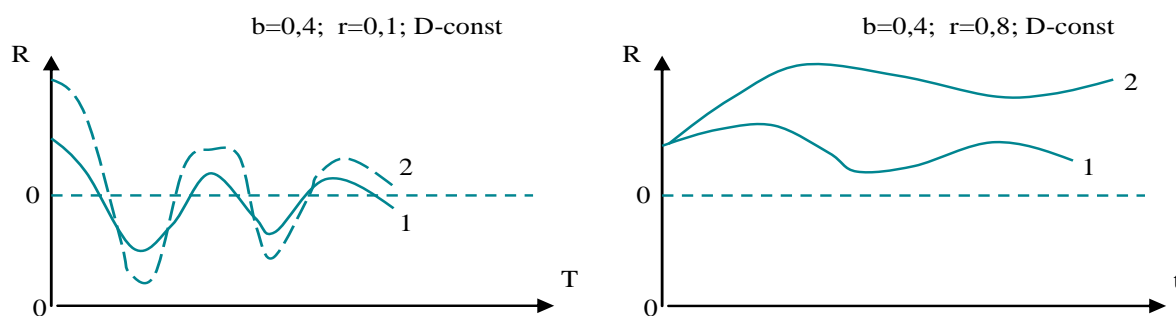

Рис. 1. Динамика функции $R(t)$, слева: 1-я линия $R(0)=1, R'(0)=0,5$; 2-я линия: $R(0)=2, R'(0)=0,2$; справа: начальные условия одинаковые: $R(0)=1, R'(0)=0,5$, для линии 2 параметр r равен 1,6

Fig. 1. Dynamics of $R(t)$, left: 1st curve $R(0)=1, R'(0)=0.5$; 2nd curve: $R(0)=2, R'(0)=0.2$; right: similar input conditions: $R(0)=1, R'(0)=0.5$, for 2nd curve r equals 1.6

¹ Рисунки получены посредством компьютерного решения дифференциального уравнения с помощью специализированного математического программного модуля. Большую помощь в их построении оказал доктор физ.-мат. наук, проф. И.А. Рудаков, за что автор выражает ему искреннюю признательность.

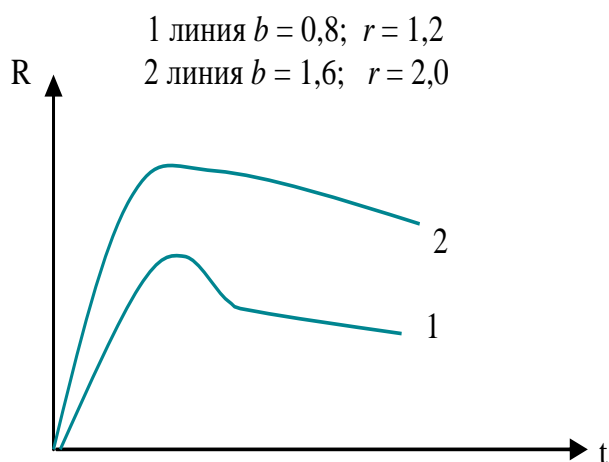

Рис. 2. Динамика функции $R(t)$ при изменении всех параметров и функции денежных поступлений $D(t) = var^*$; начальные условия $R(0)=1; R'(0)=0,5$

Fig. 2. Dynamics of $R(t)$ when all parameters are changed and a function of financial support $D(t) = var^*$; input conditions $R(0)=1; R'(0)=0.5$

* Использовался следующий закон изменения [The following law of change was used]: $D(t) = 2,9 \cdot 10^{-5} \cdot t^2 - 0,027t + 5$.

Так же ведет себя функция денежного обеспечения, когда задан закон изменения поступления денег $D(t)$, повторяя некоторым образом вид этого закона.

Конечно, данная модель может быть усложнена, если рассматривать транзакционные издержки в качестве самостоятельного фактора, динамика которого будет детерминировать модель.

Как видим, функция денежного обеспечения работы института или экономики изменяется, вместе с тем число функций должно отслеживаться соразмерно изменению этой функции, иначе возникают варианты углубления дисфункции, когда денежное обеспечение функционирования правил снижается или повышается в зависимости от действия различных факторов. Причем этот процесс происходит сам по себе, а изменение числа функций, осуществляемое вне привязки к денежному обеспечению, происходит само по себе, включая варианты с отказом от исполнения по ряду функций. Од-

нако применение уравнения (1) позволяет подойти к решению проблемы связи дисфункции института или экономической системы разного уровня сложности и денежного обеспечения ее функционирования (исполнения основных функций).

С точностью до критерия эффективности и дисфункции, измеряемых соответственно числом функций на единицу транзакционных издержек и числом неисполняемых функций в общем числе необходимых функций, можно показать, что различная динамика дисфункции наблюдается не обязательно при соответствующей ей динамике эффективности. Это вытекает из содержания критериев и законов изменения числа функций и издержек функционирования институтов или экономики (см. рис. 3).

Таким образом, весьма значимую перспективу исследований в рамках теории дисфункций составляют не только способы измерения, а также установленные связи дисфункций с релевантными параметрами экономики – экономическим ростом, адаптацией, эффективностью, занятостью, но и моделирование дисфункций и указанных связей. Кроме того, интерес может представлять исследование инфляции, вызываемой институтами, поскольку институты могут вносить и наверняка вносят определенный вклад в инфляционный процесс, посредством так называемой «институциональной инфляции», которая на сегодня трудна в измерении, но представляется феноменом, заслуживающим рассмотрения¹.

Согласно рис. 3 при росте эффективности возможен рост дисфункции (слева), однако возможно также снижение дисфункции до некоторого минимального значения, затем ее рост (справа)².

¹ Автор делал первые попытки оценки вклада институтов в размер инфляции сугубо на теоретическом уровне, в виде некой весьма абстрактной схемы-модели. По сути, исследовалась институциональная компонента инфляции, т. е. инфляция, вызываемая созданием и функционированием институтов. См. [30].

² Законы изменения числа функций и транзакционных издержек выбраны произвольно, применены указанные критерии определения дисфункции и институциональной эффективности.

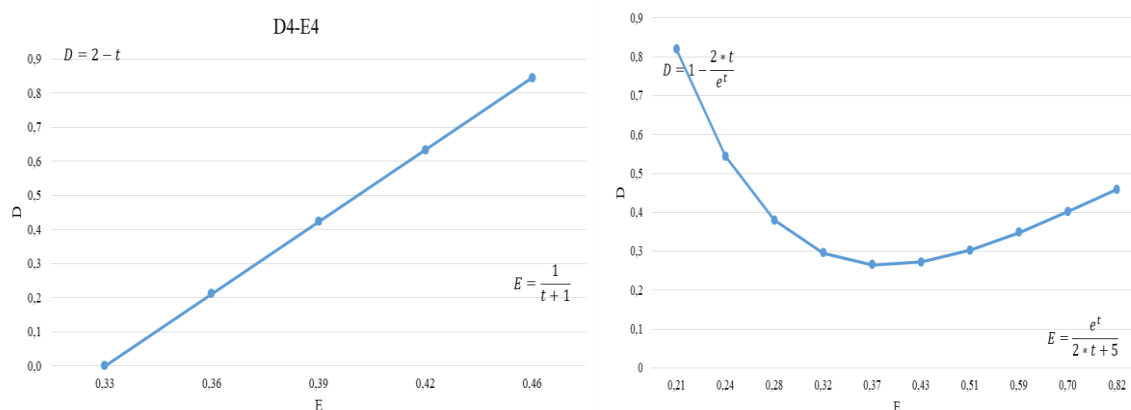

Рис. 3. Связь дисфункции и институциональной эффективности

Fig. 3. Connections between dysfunction and institutional efficiency

Таким образом, теория дисфункции является относительно новым научным направлением в институционализме¹, постольку актуальными и перспективными в рамках теории дисфункций продолжают оставаться следующие направления анализа (организации исследований):

- таксономия дисфункций и методов их элиминации, описательные модели по различным типам институтов и экономическим подсистемам;
- измерение (количественная оценка – разработка методов) дисфункций, использование данных методов для оценки каче-

ства отдельных институтов² и их совокупности;

- моделирование дисфункций (включая вопросы соотнесения экстремумов) в рамках общего направления изучения институтов, приложимое как к управленческим и экономическим дисфункциям, так и другим их видам;

- определение связи (в том числе модельной или с точностью до критерия) дисфункций и информации, включая информационные дисфункции, дисфункций и экономического роста, дисфункций и неблагоприятного отбора институтов, дисфункций и адаптации институтов, дисфункций и эффективности, видов издержек с исполняемыми функциями, что усилит микроаналитическое проникновение институциональных исследований, и т.д.;

- получение агент-ориентированных моделей с рассмотрением функционального потенциала агентов и его изменения (включая условия), получение новых игровых конструкций в зависимости от динамики дисфункций, выявление влияния дисфункций агентов на результаты их игры – взаимодействия;

¹ В рамках российской школы оно развивается чуть более 20 лет, если взять за точку отсчета первые работы, в которых заложена основа рассмотрения дисфункций. Причем эта основа касается именно рамок экономического анализа и даже современного институционального анализа несмотря на то, что некоторые ранние социологические работы создали общий контур подхода к анализу дисфункций социальных институтов, однако без измерительного, методического и модельного аппарата, идентифицируя дисфункцию не по параметрам, а посредством видов функциональных отклонений. В этом видится принципиальная разница подходов и возможностей дальнейшего применения в анализе. Риторика, свойственная социологическим работам, может быть заменена конкретными вариантами оценок и управленческими решениями в области экономической науки. И российская школа экономической мысли внесла в это направление, как и новое шumpетерианское направление, определяющий вклад, который не ограничивает проблематику дисфункций только институтами, расширяя рамки исследования дисфункциями экономических систем и управления [1; 14].

² Здесь возникают и задачи оценки качества институциональной среды, построения институциональных атласов и карт, их изменения в динамике [41; 42] посредством баллового метода оценки, экспертных процедур, что не дает большой точности измерения, но, тем не менее, представляет интерес, особенно в сравнительном аспекте.

– определение взаимодействия различных видов дисфункций, например, в области управления по главным функциям – планирование, организация, мотивация, контроль и координация – на различных уровнях управления (фирменный, корпоративный, отраслевой, государственный);

– описание дисфункций отдельных экономических объектов и секторов как подсистем экономики – банков, фирм, видов политики, НИОКР, образования, науки, здравоохранения;

– применение функционального подхода и учет дисфункций в рамках стандартных и уже известных моделей экономической науки и институционального анализа (теорема Коуза, дилемма заключенного, принятие решений в области ресурсов общего назначения и др.).

Двигаясь в указанных направлениях, которыми не исчерпывается весь возможный список перспективных усилий в границах теории дисфункций и шире – теории институциональных эффектов, можно получить ответы на нерешенные вопросы экономического анализа, связанные с объяснением микроуровневых факторов агентского поведения, фаз экономической динамики (экономического роста и кризиса), распределения прав собственности и влияния такого распределения на ценность производства. Причем отдельные решения по названным задачам уже получены и представлены в научной литературе (см., например, [37–40]). Применительно к эффекту блокировки и попыткам выстроить теорию институциональных ловушек можно отметить, что большая часть работ по «институциональным ловушкам» затрудняется дать как точную оценку устойчивости нормы, так и её неэффективности. В связи с этим актуальную перспективу составляют похожие задачи, часть которых вполне решается посредством теории дисфункций, а именно – разработка критериев эффективности и неэффективности нормы, оценка ее качества и устойчивости. Отдельную и пока не решенную проблему составляет взаимодействие эффектов блокировки: имеют ли они усиливающий характер и насколько дисфункции обеспечивают возникновение состояния

типа «ловушки», ведь действует множество иных выделяемых факторов. В отличие от дисфункции эффект блокировки – «институциональная ловушка» – вроде бы статична, но меняется ли она динамически, можно ли вести речь о «глубине ловушечного состояния» или нет – так и остается открытым вопросом¹, причем его измерение располагается в координатах устойчивости и неэффективности (точнее, устойчивой неэффективности²). Снятие с повестки дня этих и многих иных вопросов в рамках теории институциональных эффектов и теории дисфункций как одного из ее направлений требует развития модельного аппарата и дальнейшей конкретизации трактовок данных понятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному обзорно-аналитическому исследованию проблем развития теории институциональных и экономических дисфункций, сформулируем следующие наиболее полезные с точки зрения совершенствования институционального анализа дисфункций выводы.

Во-первых, представление о дисфункциях полезно с точки зрения раскрытия различных взаимодействий на микроэкономическом уровне, а также для формирования такого научного направления, как институциональная макроэкономика, изучающая системные дисфункции или дисфункции базовых институтов, влияющих на функционирование и динамику макроэкономических агрегатов [14]. Теоретические положения по дисфункциям позволяют их выявлять, проектировать меры, приводящие к их снижению, что обеспечивает увеличение функци-

¹ Хотя явления, правила их регулирующие, описываемые как ловушки, конечно, являются динамическими феноменами – и бартер, и коррупция, и неплатежи, уклонение от налогов, стагнация производства или спираль «инфляция – девальвация». К тому же они никогда не были непреодолимыми состояниями, подобно «ловушке ликвидности» Дж. Кейнса, для которой нет иных возможностей преодоления, как осуществление системных изменений. Средства денежно-кредитной политики не работают на ее преодоление, сами порождая эту ловушку.

² Именно так определяется это состояние в базовой работе [16].

ональной эффективности. При этом очень важно, чтобы эти меры не увеличивали число и глубину имеющихся дисфункций. В связи с этим теория дисфункций накладывает на управление дополнительное ограничение в виде самодисциплины при разработке и реализации управленческих решений.

Во-вторых, с точки зрения перспектив применения количественного измерения дисфункций появляется вполне реальная возможность оценки качества институтов и экономических систем по величине расстройств исполняемых релевантных функций, причем метод оценки менее громоздкий, нежели применяемые экспертные процедуры, при всей их полезности и адекватности [42]. Помимо этого, исследования институтов распространения знаний, поведения фирм, контрактов, сетевых взаимодействий на базе Интернета и функционального маркетинга также имеют перспективы в области институционального моделирования [1; 37; 41].

Таким образом, теория экономических и институциональных дисфункций имеет перспективы далеко за пределами экономики и институтов, причем для институтов имеется ряд методологических сложностей их познания, которые отражаются на любых институциональных теориях. Институты влияют друг на друга так, что последствия этого влияния бывает установить крайне трудно. Как правило, только после того, как прошло время, можно пытаться постфактум выделить какие-то связи и эффекты влияния. Причем совсем не факт, что они повторяются в следующие периоды времени.

Тем самым, полезным представляется видеть инструментальное назначение методов измерения, оценки дисфункций, моделей и прилагать их к конкретным объектам и институтам в складывающихся условиях управления для решения возникающих прикладных задач.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит учеников и последователей, которые развивают его теорию институциональных и экономических дисфункций в своих работах. Моя признательность адресуется ученикам канд. экон. наук В.В. Курманову и канд. экон. наук К.С. Мельковской, которые рассмотрели формат применения теории дисфункций в области интернет и функционального маркетинга, а также докт. экон. наук С.В. Шманёву, который использует дисфункцию в области синергетических моделей. Особая благодарность исследователям, которые не сводят данное направление к «теории ловушек», придавая ему собственное развитие, а именно ушедшему от нас докт. экон. наук Ю.К. Перскому, его ученикам канд. экон. наук Т.Ю. Ковалёвой и докт. экон. наук Е.В. Базуевой, а также докт. экон. наук З.В. Брагиной и канд. экон. наук Е.Н. Тумановой, канд. экон. наук О.И. Водяненко, А.В. Фомину и Е.Н. Чечёткиной, которые точно соблюдают принцип хронологизма в науке, выделяя суть и назначение теории дисфункций, развивая и совершенствуя измерительно-оценочный аппарат применительно к управленческим, экономическим и институциональным дисфункциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухарев О.С. Теория экономической дисфункции М.: Машиностроение, 2001. 212 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности / пер. с нем.; под ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 432 с.
3. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 2006. 880 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
5. Eggertsson T. Quick guide to new institutional economics // Journal of Comparative Economics. 2013. Vol. 41 (1). P. 1–5. doi: 10.1016/j.jce.2013.01.002.
6. Hodgson G. A Modern reader in evolutionary and institutional economics. Cheltenham and Northampton: Edward Elgar Publ., 2002. 256 p.
7. Myrdal G. The political element in the development of economic theory. Transaction Publ., 1990. p. 298.
8. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5 (1). P. 97–112.

9. *North D.C.* Understanding the process of economic change. Princeton University Press, 2005. 187 p.
10. *Ostrom E.* Beyond markets and states: Polycentric governance of complex economic systems // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100 (3). P. 641–672.
11. *Stiglitz J.* The Stiglitz report: Reforming the international monetary and financial systems in the wake of the global crisis. The New Press, 2010. 240 p.
12. *Williamson O.E.* The theory of the firm as governance structure: From choice to contract // *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16 (3). P. 171–195.
13. *Williamson O.E.* The economics of governance // *American Economic Review*. 2005. № 95. P. 1–18. doi: 10.1257/000282805774669880.
14. *Сухарев О.С.* Российская экономика: опыт системной диагностики и лечения // *Инвестиции в России*. 1999. № 9. С. 28–37.
15. *Сухарев О.С.* Теория дисфункции институтов и экономических систем (к 15-летию разработки данной теории в России) // *Журнал экономической теории*. 2014. № 1. С. 27–40.
16. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3. С. 24–50.
17. *Шершнева О.И., Краева М.А.* Институциональные ловушки и дисфункции экономических институтов // *Форум молодых ученых*. 2018. № 6-3 (22) / ООО «Институт управления и социально-экономического развития» (Саратов). С. 742–746.
18. *Хуссейн И.Я.* Причины дисфункций рынка капитала в контексте институциональной теории // *Экономическая наука в Саратовском университете: прошлое и современность: материалы Междунар. конф. в рамках Междунар. науч. симпозиума, посвящ. 100-летию гуманитарного образования в СГУ «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего» / под ред. О.Ю. Челноковой. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 74–79.*
19. *Фомин Р.В.* Институциональная ловушка модернизации региональной социально-экономической политики Южного федерального округа в условиях цифровизации экономики // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2020. № 3 (123). С. 186–196. doi: 10.17308/merp.2020.3/2336.
20. *Сухарев О.С.* Об экономических теориях и главной методологической проблеме институциональной экономики // *Теория и практика институциональных преобразований в России: сб. науч. тр. Вып. 3. М.: ЦЭМИ РАН, 2004. С. 97–110.*
21. *Sukharev O.S.* The Neoinstitutional contracts theory: New perspectives // *Montenegrin Journal of Economics*. 2012. Vol. 8 (1). P. 85–111.
22. *Фомин А.В.* Формирование механизмов регулирования социально-экономических дисфункций государства: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Саратов, 2012. 22 с.
23. *Чечеткина Е.Н.* Система институтов экономической политики государства и особенности их реализации в России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Саратов, 2013. 21 с.
24. *Сухарев О.С.* Теория эффективности экономики. 3-е изд., перераб. М.: Курс, 2020. 256 с.
25. *Водяненко О.И.* Институциональные дисфункции социальной экономики и пути их преодоления // *Вестник ВГУИТ*. 2018. Т. 80, № 3. С. 489–493. doi: 10.20914/2310-1202-2018-3-489-493.
26. *Перский Ю.К., Ковалева Т.Ю.* Стратегические императивы преодоления институциональной неэффективности интеллектуального предпринимательства в экономике России // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2009. № 3 (3). С. 6–15.
27. *Ковалева Т.Ю.* Проблема институциональной неэффективности в развитии интеллектуального предпринимательства // *Вестник УГТУ-УПИ*. 2009. № 4. С. 26–36.
28. *Сухарев О.С.* Методология и возможности экономической науки. М.: Курс, ИНФРА-М, 2013. 368 с.
29. *Ковалева Т.Ю., Базуева Е.В.* Детерминанты качества системы институтов кластерного развития региональной экономики // *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*. 2016. № 1. С. 21–30.
30. *Сухарев О.С.* Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА, 2005. 384 с.
31. *Капогузов Е.А., Чупин Р.И.* Падение транзакционного сектора: апрельские тренды и последствия альтернатив экономической политики // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 2. С. 381–391. doi: 10.21202/1993-047X.14.2020.2.381-391.

32. Шманев С.В. Инновационная роль институтов в трансформации реального сектора экономики при формировании системы управления социально-экономическим развитием России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 303–308. doi: 10.24411/2414-3995-2020-10133.
33. Алексеенко А.Г. Дисфункции российского рынка слияний и поглощений: причины, последствия, способы преодоления // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. № 21 (3). С. 29–35. doi: 10.15688/ek.jvolsu.2019.3.3.
34. Палаш С.В. Государственные программы развития АПК Костромской области: дисфункции стратегического планирования // Международные научные исследования. 2016. № 3 (28). С. 93–101.
35. Селицкий В.С. Дисфункции управления // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2019. № 2 (113). С. 144–148.
36. Брагина З.В., Туманова Е.Н. Управленческие дисфункции и терминальное управление // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 9 (69). URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3035-2014-09-10-06-02-48> (дата обращения: 01.07.2019).
37. Сухарев О.С. Институциональное моделирование в управлении экономическими системами // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10. С. 38–54.
38. Сухарев О.С. Дисфункция управления: как формировать экономическую политику // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3 (ч. 1). С. 26–40.
39. Сухарев О.С. Дисфункция на уровне макро- и микроуправления социально-экономическими системами // Эргодизайн. 2019. № 4. С. 173–178. doi: 10.30987/2619-1512-2019-2019-4-173-178.
40. Сухарев О.С. Дисфункция правил и институциональная эффективность // Журнал экономической теории. 2020. № 2. С. 433–450. doi: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.16.
41. Попов Е.В. Институты. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. 712 с.
42. Орехова С.В. Формирование методологии устойчивого развития металлургического предприятия на основе ресурсно-институционального подхода: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2018. 53 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Сергеевич Сухарев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: o_sukharev@list.ru).

ACKNOWLEDGEMENTS

The author would like to thank his students and followers who are developing his theory of institutional and economic dysfunctions in their papers. I would like to extend my gratitude to my students – V.V. Kurmanov, Candidate of Economic Sciences, and K.S. Melkovskaya, Candidate of Economic Sciences, who applied the dysfunction theory to the Internet and functional marketing, as well as to S.V. Shmanev, Doctor of Economic Sciences, who exploits the dysfunction in the area of synergetic models. I would like to specifically acknowledge the contribution of the scholars, including the late Yu.K. Persky, Doctor of Economic Sciences, his students T.Yu. Kovaleva, Candidate of Economic Sciences, and E.V. Bazueva, Doctor of Economic Sciences, as well as Z.V. Bragina, Doctor of Economic Sciences, and E.N. Tumanova, Candidate of Economic Sciences, O.I. Vodyanenko, Candidate of Economic Sciences, A.V. Fomin and E.N. Chechetkina, who don't narrow this area down to the theory of traps, develop it in its own way, and strictly observe the chronology principle in science by identifying the key points and the purpose of the dysfunction theory, by developing and improving the measurement and evaluation tools applied to the managerial, economic, and institutions dysfunctions.

REFERENCES

1. Sukharev O.S. *Teoriya ekonomicheskoi disfunktsii* [Theory of economic disfunction]. Moscow, Mashinostroenie-1 Publ., 2001. 212 p. (In Russian).
2. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Obshchnosti / per. s nem.; pod red. L.G. Ionina* [Economy and society: Essays of understanding sociology. Communities. Transl. from German; ed. by L.G. Ionin]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2017. 432 p. (In Russian).
3. Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST, Khranitel' Publ., 2006. 880 p. (In Russian).
4. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1998. 270 p. (In Russian).
5. Eggertsson T. Quick guide to new institutional economics. *Journal of Comparative Economics*, 2013, vol. 41 (1), pp. 1–5. doi: 10.1016/j.jce.2013.01.002.
6. Hodgson G. *A Modern reader in evolutionary and institutional economics*. Cheltenham and Northampton, Edward Elgar Publ., 2002. 256 p.
7. Myrdal G. *The political element in the development of economic theory*. Transaction Publ., 1990. 298 p.
8. North D.C. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 1991, vol. 5 (1), pp. 97–112.
9. North D.C. *Understanding the process of economic change*. Princeton University Press, 2005. 187 p.
10. Ostrom E. Beyond markets and states: Polycentric governance of complex economic systems. *American Economic Review*, 2010, vol. 100 (3), pp. 641–672.
11. Stiglitz J. *The Stiglitz report: Reforming the international monetary and financial systems in the wake of the global crisis*. The New Press, 2010. 240 p.
12. Williamson O.E. The theory of the firm as governance structure: From choice to contract. *Journal of Economic Perspectives*, 2002, vol. 16 (3), pp. 171–195.
13. Williamson O.E. The economics of governance. *American Economic Review*, 2005, no. 95, pp. 1–18. doi: 10.1257/000282805774669880.
14. Sukharev O.S. Rossiiskaya ekonomika: opyt sistemnoi diagnostiki i lecheniya [Russian economy: Experience of constitutional diagnosis and treatment]. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], 1999, no. 9, pp. 28–37. (In Russian).
15. Sukharev O.S. Teoriya disfunktsii institutov i ekonomicheskikh sistem (k 15-letiyu razrabotki dannoi teorii v Rossii) [Theory of dysfunction of institutions and economic systems (For the 15th anniversary of the development of this theory in Russia)]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2014, no. 1, pp. 27–40. (In Russian).
16. Polterovich V.M. Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2001, no. 3, pp. 24–50. (In Russian).
17. Shershneva O.I., Kraeva M.A. Institutsional'nye lovushki i disfunktsii ekonomicheskikh institutov [Institutional traps and dysfunctions of economic institutions]. *Forum molodykh uchennykh* [Forum of Young Scientists], 2018, no. 6-3 (22), pp. 742–746. (In Russian).
18. Khusein I.Ya. Prichiny disfunktsii rynka kapitala v kontekste institutsional'noi teorii [Reasons for capital market dysfunctions in an institutional theory]. *Ekonomicheskaya nauka v Saratovskom universitete: proshloe i sovremennost': materialy Mezhdunar. konf. v ramkakh Mezhdunar. nauch. simpoziuma, posvyashch. 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v SGU "Stoletie gumanitarnogo obrazovaniya v Saratovskom gosudarstvennom universitete: dialog vremen – proshedshego, nastoyashchego i budushchego" / pod red. O.Yu. Chelnokovoi* [Economic science in Saratov University: Past and modern times. Proceedings of the International Conference within International Scientific Symposium dedicated to the 100th anniversary of the humanitarian education in Saratov State University “100th Anniversary of Humanitarian Education in Saratov State University: Dialogues of the times – Past, Present and Future”. Ed. by O.Yu. Chelnokova], Saratov, Izdatel'stvo «Saratovskii istochnik» Publ., 2017, pp. 74–79. (In Russian).
19. Fomin R.V. Institutsional'naya lovushka modernizatsii regional'noi sotsial'no-ekonomicheskoi politiki Yuzhnogo federal'nogo okruga v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Institutional trap of modernization of the regional socio-economic policy of the Southern Federal District in the conditions of digitalization of the economy]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern Economics: Problems and Solutions], 2020, no. 3 (123), pp. 186–196. (In Russian). doi: 10.17308/meps.2020.3/2336.

20. Sukharev O.S. Ob ekonomicheskikh teoriyakh i glavnoi metodologicheskoi probleme institutsional'noi ekonomiki [About the economic theories and main methodological problem in an institutional economy]. *Teoriya i praktika institutsional'nykh preobrazovaniy v Rossii* [Theory and Practice of Institutional Transformations in Russia], 2004, iss. 3, pp. 97–110. (In Russian).
21. Sukharev O.S. The Neoinstitutional contracts theory: New perspectives. *Montenegrin Journal of Economics*, 2012, vol. 8 (1), pp. 85–111.
22. Fomin A.V. *Formirovaniye mekhanizmov regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh disfunktsii gosudarstva*. Avtoref. diss. cand. ekon. nauk [Development of regulation mechanisms for the social-economic dysfunctions of the state. Cand. econ. sci. author. diss.]. Saratov, 2012. 22 p. (In Russian).
23. Chechetkina E.N. *Sistema institutov ekonomicheskoi politiki gosudarstva i osobennosti ikh realizatsii v Rossii*. Avtoref. diss. cand. ekon. nauk [Institution systems of the public economic policy and their implementation features in Russia. Cand. econ. sci. author. diss.]. Saratov, 2013. 21 p. (In Russian).
24. Sukharev O.S. *Teoriya effektivnosti ekonomiki* [Theory of economy efficiency], Moscow, Kurs Publ., 2020. 256 p. (In Russian).
25. Vodyanenko O.I. Institutsional'nye disfunktsii sotsial'noi ekonomiki i puti ikh preodoleniya [Institutional dysfunctions of social economy and ways of their overcoming]. *Vestnik VGUIT* [Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies], 2018, vol. 80, no. 3, pp. 489–493. (In Russian). doi: 10.20914/2310-1202-2018-3-489-493.
26. Persky Yu.K., Kovaleva T.Yu. Strategicheskie imperativy preodoleniya institutsional'noi neeffektivnosti intellektual'nogo predprinimatel'stva v ekonomike Rossii [Strategy imperatives of institutional inefficiency overcoming of intellectual entrepreneurship in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2009, no. 3 (3), pp. 6–15. (In Russian).
27. Kovaleva T.Yu. Problema institutsional'noi neeffektivnosti v razvitiy intellektual'nogo predprinimatel'stva [Problem of institutional inefficiency in the development of intellectual entrepreneurship]. *Vestnik UGTU-UPI* [UGTU-UPI Bulletin], 2009, no. 4, pp. 26–36.
28. Sukharev O.S. *Metodologiya i vozmozhnosti ekonomicheskoi nauki* [Methodology and possibilities of economic science]. Moscow, Kurs, INFRA-M Publ., 2013. 368 p. (In Russian).
29. Kovaleva T.Yu., Bazueva E.V. Determinanty kachestva sistemy institutov klasterного razvitiya regional'noi ekonomiki [Determinants of the quality of system of institutions of the regional economy cluster development]. *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2016, no. 1, pp. 21–30. (In Russian).
30. Sukharev O.S. *Instituty i ekonomicheskoe razvitie* [Institutions and economic development]. Moscow, DeKA Publ., 2005. 384 p. (In Russian).
31. Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Padenie transaktsionnogo sektora: aprel'skie trendy i posledstviya al'ternativ ekonomicheskoi politiki [Fall of transactional sector: April trends and consequences of economic policy alternatives]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2020, vol. 14, no. 2, pp. 381–391. (In Russian). doi: 10.21202/1993-047X.14.2020.2.381-391.
32. Shmanev S.V. Innovatsionnaya rol' institutov v transformatsii real'nogo sektora ekonomiki pri formirovaniy sistemy upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem Rossii [Innovative role of institutions in the transformation of the real sector of the economics in the formation of the management system of social and economic development in Russia]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of Economic Security], 2020, no. 2, pp. 303–308. (In Russian). doi: 10.24411/2414-3995-2020-10133.
33. Alekseenko A.G. Disfunktsii rossiiskogo rynka sliyanii i pogloshchenii: prichiny, posledstviya, sposoby preodoleniya [Dysfunction of Russian market of mergers and acquisitions: Causes, consequences, methods of overcoming]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2019, no. 21 (3), pp. 29–35. (In Russian). doi: 10.15688/ek.jvolsu.2019.3.3.
34. Palash S.V. Gosudarstvennye programmy razvitiya APK Kostromskoi oblasti: disfunktsii strategicheskogo planirovaniya [The state program of development of agriculture of the Kostroma region: Dysfunction of strategic planning]. *Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya* [International Scientific Researches], 2016, no. 3 (28), pp. 93–101. (In Russian).
35. Selitskii V.S. Disfunktsii upravleniya [Dysfunctions of management]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny* [Journal of F. Skorina Gomel State University], 2019, no. 2 (113), pp. 144–148. (In Russian).

36. Bragina Z.V., Tumanova E.N. Upravlencheskie disfunktsii i terminal'noe upravlenie [Administrative dysfunctions and terminal management]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Management of Economic Systems. Scientific Electronic Journal], 2014, no. 9 (69). (In Russian) Available at: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3035-2014-09-10-06-02-48> (accessed 01.07.2019).
37. Sukharev O.S. Institutsional'noe modelirovanie v upravlenii ekonomicheskimi sistemami [Institutional modeling in management economic systems]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Management Theory and Practice], 2017, no. 10, pp. 38–54. (In Russian).
38. Sukharev O.S. Disfunktsiya upravleniya: kak formirovat' ekonomicheskuyu politiku [Dysfunction of management: How to develop economic policy]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2016, no. 3 (part 1), pp. 26–40. (In Russian).
39. Sukharev O.S. Disfunktsiya na urovne makro- i mikroupravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi sistemami [Dysfunction at the level of macro and micro management of socio-economic systems]. *Ergodizain* [Ergodesign], 2019, no. 4, pp. 173–178. (In Russian). doi: 10.30987/2619-1512-2019-2019-4-173-178.
40. Sukharev O.S. Disfunktsiya pravil i institutsional'naya effektivnost' [Dysfunctions of the rules and institutional effectiveness], *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2020, no. 2, pp. 433–450. (In Russian). doi: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.16.
41. Popov E.V. *Instituty* [Institutions]. Yekaterinburg, IE UrO RAN Publ., 2015. 712 p. (In Russian).
42. Orekhova S.V. *Formirovanie metodologii ustoichivogo razvitiya metallurgicheskogo predpriyatiya na osnove resursno-institutsional'nogo podkhoda*. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Resource-institutional approach based sustainable development methodology design for a metallurgic factory. Dr. econ. sci. author. diss.]. Yekaterinburg, 2018. 53 p. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg Sergeevich Sukharev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia; e-mail: o_sukharev@list.ru).

Статья поступила в редакцию 25.08.2020, принята к печати 16.12.2021

Received August 25, 2020; accepted December 16, 2021